

Одесские литераторы 1920-х гг.
в публицистике Н.А. Логуновой (Ивановой)

Оксана И. Киянская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия,*

*Институт научной информации по общественным наукам РАН
(ИНИОН РАН), Москва, Россия, kianoks@inbox.ru*

Давид М. Фельдман

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dmfeld@inbox.ru*

Аннотация. Данная статья – четвертая в серии публикаций, посвященных биографии и журналистскому творчеству русской писательницы-эмигрантки Н.А. Логуновой. В статье речь идет о ее одесской юности, начале литературной деятельности, истории литературного кружка «Зеленая лампа». Основное внимание уделено характеристикам И.Э. Бабеля, Э.Г. Багрицкого, В.П. Катаева, Ю.К. Олеши и других писателей, их публикациям в периодике, а также публичным выступлениям. Кроме того, речь идет о, можно сказать, особом стиле жизни одесских литераторов, формировавшемся под влиянием культурной специфики их родного города. Детально Логунова рассказывает о жизни Багрицкого, любившего птиц и равнодушного к бытовым удобствам, описывает методы литературной работы Бабеля, который с юности стремился к максимальной насыщенности своей прозы, буквально оттачивая каждую фразу, удаляя все, что он считал необязательным. Характеризуются и методы, использованные одесскими литераторами, чтобы приспособиться к новым – советским – условиям литературного быта, принципиально иной – по сравнению с досоветской – политической конъюнктуре.

Ключевые слова: Одесса, Н.А. Логунова, «Зеленая лампа», В.П. Катаев, И.Э. Бабель

Для цитирования: Киянская О.И., Фельдман Д.М. Одесские литераторы 1920-х годов в публицистике Н.А. Логуновой (Ивановой) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 10. С. 52–68. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-52-68

Odessa writers of the 1920s in the journalism of N.A. Logunova (Ivanova)

Oksana I. Kiyanskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia,
kianoks@inbox.ru*

David M. Feldman

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
dmfeld@inbox.ru*

Abstract. The article is the fourth in a series of publications devoted to the biography and journalistic work of N.A. Logunova the Russian emigrant writer. It deals with the first years of her adult life in Odessa, the beginning of her literary career and the activities of the literary circle “The Green Lamp” (Zelenaya lampa). The authors focus on the first steps in the literature of the later famous Soviet writers and journalists V.P. Kataev, I.E. Babel, E.G. Bagritsky, Y.K. Olesha, etc., their first publications in the Odessa periodicals and their public speeches. In addition, it is about, one might say, a particular lifestyle of Odessa writers, formed under the influence of the cultural specifics of their home-city. Logunova tells in detail about the life of Eduard Bagritsky, who loved birds and was indifferent to the conveniences of life, describes the methods of Babel’s literary work, who from his youth aspired to the maximum saturation of his prose, literally honing every phrase, removing everything that he considered optional. The article also characterizes methods used by Odessa writers for adaptation to the new – Soviet – conditions of literary life, fundamentally different from the pre-Soviet – political situation.

Keywords: Odessa, N.A. Logunova, “Zelenaya lampa”, V.P. Kataev, I.E. Babel’

For citation: Kiyanskaya, O.I. and Feldman, D.M. (2021), “Odessa writers of the 1920s in the journalism of N.A. Logunova (Ivanova)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, pp. 52–68, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-52-68

Статья продолжает серию публикаций, посвященных творчеству Натальи Аполлинарьевны Логуновой (урожд. Ивановой) [Киянская, Фельдман 2019; Киянская, Фельдман 2019а; Киянская, Фельдман 2020].

Авторы уже рассматривали ее биографию в контексте «трех эпох», которые, по словам мемуаристки, ей удалось пережить. Пер-

вой была эпоха дореволюционная и революционная, когда она, одеситка, участвовала в работе кружка молодых одесских литераторов «Зеленая лампа», начинала литературную деятельность. Вторая, постреволюционная эпоха, была эпохой выживания. При советском режиме Логунова оставила литературу, служила машинисткой в разных организациях. Коммунистов она ненавидела и ситуацию 1930-х гг. характеризовала эмоционально:

Нарождалась и обучалась уже новая интеллигенция, долженствующая заменить старую. Среди нее были врачи, инженеры, зоотехники, профессора. Старую, даже не враждебно относившуюся к советской власти, надо было раздавить. Вновь стали особенно поощрять доносы. Доносили на друзей, детей поощряли доносить на родителей. Сколько детей, начиная с Павлика Морозова, были виновны в арестах своих родителей! На север вновь гнали эшелоны арестованных и люди пропадали меньше, чем за чечевичную похлебку! Сталину нужны были миллионы бесплатных рабочих для затеянных им грандиозных строек, которые должны были земледельческую страну переделать в индустриальную... А цена их – миллионы загубленных человеческих жизней. Старая русская поговорка «ежовые рукавицы» нашла свое воплощение в лице Ежова. В народе клокотала глухая злоба, но страх превалировал¹.

В 1941 г. началась война. Согласно воспоминаниям Логуновой, для многих советских граждан и для нее самой это означало «конец большевизма»².

Поэтому, когда Одессу заняли румынские войска, Логунова сотрудничала с русскоязычными изданиями. В частности – газетой «Молва». Впоследствии она писала, что готова была «поддержать Гитлера, черта, дьявола, чтобы расправиться с внутренним врагом»³.

Соответственно, третья эпоха в ее жизни – эмиграция. Через Румынию, Германию, лагерь для перемещенных лиц она оказалась в США. Там, наконец, занялась литературой. Сотрудничала в эмигрантских газетах «Русская мысль» и «Новое русское слово», опубликовала роман и две большие повести. Из ее литературного наследия наиболее интересны мемуары, которые она закончила писать в 1971 г. и передала, вместе со всем своим архивом, в Колумбийский университет Нью-Йорка. Через год она умерла.

¹ *Logunova N.A. Tri Epokhi. Memoirs // Rare Book & Manuscript Library Collection. Logunova N.A. Papers, 1913–1972. Box 9. Fol. 4. P. 938.*

² *Ibid. Box 9. Fol. 5. P. 1042.*

³ *Ibid. Fol. 5. P. 1001.*

Мемуары Логуновой в основном содержат сведения о ее родственниках и друзьях. Однако есть в них и страницы, посвященные истории России. Как подчеркнула мемуаристка, это было суровое время, время, «когда миллионы людей бежали с родины и, пройдя невероятные страдания беженства... были расселены по разным заокеанским странам»⁴.

* * *

В публикуемой ниже статье Натальи Логуновой (первая публикация – Новое русское слово. Нью-Йорк. 1969, 25 мая) речь идет о начале творческого пути будущей эмигрантки, о ее участии в одесском литературном кружке «Зеленая лампа».

Отчасти эта статья несамостоятельна: туда включены фрагменты изданной в 1953 г. книги К.Г. Паустовского «Время больших ожиданий», относящейся к его мемуарному циклу «Повесть о жизни». Однако фрагменты эти немногочисленны. Логунова пишет о событиях, участницей которых она была, о литераторах, ей лично знакомых.

К публикации предлагается минимальный комментарий, при этом общеизвестные имена и реалии не комментируются.

Наталья Логунова

Одесские поэты и писатели

Несколько лет тому назад я вкратце писала о кружке одесских поэтов, писателей 1919–1920 гг. Сейчас скажу о каждом из них в отдельности. Кто в то время был инициатором сплочения одесских литературных сил – неизвестно. Для собраний кружка была занята пустующая квартира на ул. Петра Великого. Собственно, только большой колонный зал в ней с зеркалами в золоченых рамах во весь рост. Кроме дивана, двух кресел и маленького столика с инкрустациями, уже кем-то выковырянными, во всей квартире ничего не осталось. Позже кто-то из поэтов притащил несколько не очень устойчивых стульев, добытых неизвестно где. В кружок вошли Валентин Катаев, Эдуард Багрицкий, Юрий Олеша, Зинаида Шишова, Долинов, Бродский⁵, я и несколько случайных

⁴ Ibid. Box 9. Fol. 8. P. 1434.

⁵ Одесские литераторы В.П. Катаев (1897–1986), Э.Г. Багрицкий (Дзюбин) (1895–1934), Ю.К. Олеша (1899–1960), З.К. Шишова (1898–1977), Г.И. Долинов (1894–1950) – впоследствии советские писатели

поэтов, как внезапно появившихся, так же внезапно исчезнувших. Несколько позже пришел четырнадцатилетний мальчик – Сема Кирсанов. А еще позже, когда меня в Одессе уже не было, кружок этот в расширенном составе организовал «Вечера под зеленой лампой», устраивая свои выступления уже перед публикой в зале Консерватории, помещавшейся в то время на Новосельской улице, позже переименованной большевиками в улицу Островидова. Об этих «Вечерах» мог бы рассказать ныне покойный профессор П.Е. Ершов⁶, бывший одним из его членов.

Прежде чем приступить к характеристике каждого одесского поэта и писателя, с которым я встречалась или о котором слыхала от других, скажу о стиле одесской поэзии и прозы вообще, отличном от московского и петербургского. Стиль этот создавала Одесса с ее особым говором, своеобразным восприятием жизни и событий, интернациональностью ее населения и неиссякаемым юмором. Стиль создавал сам воздух Одессы – мягкий, овеванный морской просоленной свежестью, а главное – окраинная часть города, Молдаванка, где селилась беднота и преступный элемент. Это отсюда шли песенки, которые распевала вся Одесса, которые проникали и за черту города и распевались другими южными городами. Авторы этих песенок легкого жанра и на злобу дня не всегда были известны, но имена некоторых сохранились. Так, очень популярны в то время были песенки Ядова⁷. В первые годы большевистской власти он работал в выходившем тогда в Одессе листке «Моряк». Писал он их быстро, без помарок тут же в редакции листка, и на другой день они выходили на страницах листка, сразу же подхватывались одесситами. Другим знатоком местного фольклора был Мирон Ямпольский⁸. Самой популярной из его песенок была «Свадьба Шнеерсона» и продолжение ее «недолго длилось счастье Шнеерсона». Обе песенки облетели весь юг. При появлении каждой новой песенки одесситы гадали, кто написал ее – Жора ли со Степовой улицы или Абраша Кныш. Мода на такие песенки

и журналисты. Д.Г. Бродский (1895–1966) стал известным переводчиком. Кроме того, известности добились упоминаемые в тексте С.И. Кирсанов (Кортчик) (1906–1972) и В.М. Инбер (1890–1972).

⁶ Ершов Петр Евгеньевич (1893–1965) – филолог, журналист, участник одесского литературного движения. Эмигрант, профессор Колумбийского университета в Нью-Йорке.

⁷ Ядов (Давыдов) Яков Петрович (1884–1940) – поэт, автор популярных в 1920-е гг. песен, журналист и сценарист.

⁸ Ямпольский Мирон Эммануилович (1871(?)–1953) – поэт, автор популярных в 1920-е гг. песен, считающихся фольклорными.

менялась в Одессе не только каждый год, но и каждый месяц. Если бы собрать все эти песенки, легко было бы установить хронологию событий. Так, песенку ««Ростислав» и «Алмаз»⁹ за республику, наш девиз боевой – резать публику» пели в 1918 г., а «Выйду ль я на улицу, красный флаг я выкину. Ах, Буденному везет больше, чем Деникину» распевали в конце 1920 г.

После проведения в Советском Союзе паспортной системы одесситы распевали «Цыпленок жареный, цыпленок пареный, цыпленок тоже хочет жить. Его поймали, арестовали, велели паспорт предъявить». А следующую песенку распевали все южные города, меняя, в зависимости от местности, где она распевалась, название города: «Губернский розыск рассылает телеграммы, что город Харьков (или Киев, Ялта, Голта и др.) переполнена ворами. Что наступил критический момент, – и заедает вредный элемент».

Песенки эти составлялись и распевались вплоть до сороковых годов, когда поток их был прерван войной. Долше всех выдержала испытание песенка Ядова «Купите бублики для всей республики! Гоните рублики вы поскорей!»

Ядов был талантливым поэтом, но в погоне за куском хлеба угождал Молдаванке и, как он сам впоследствии говорил, «раздарил свой талант жадным и нахальным торгашам-антрепренёрам и издателям уличных листов».

В первые годы большевистской революции секретарем редакции листка «Моряк» был Константин Паустовский. На нем тогда лежало много обязанностей вплоть до правки рукописей и раздачи заданий репортерам. В своей автобиографической повести Паустовский пишет, что ему самому приходилось переписывать заново, «чтобы убрать из них неистребимый одесско-молдаванский стиль». Время было тяжелое. Чтобы выжить, необходимо было лавировать. Не один поэт и писатель погубил себя, угождая принятому тогда на всем необъятном пространстве бывшей Российской империи стилю. Другие предпочитали голодать, терпеть холод и неприкаянность тогдашних дней, но сохранить присущую каждому манеру письма. К таким принадлежали перечисленные выше поэты и писатели.

Голод и холод принудили меня, имевшую на моем иждивении мать, переехать на время в ближайшую к городу деревню, где крестьяне еще не были раскулачены и питались лучше, чем горожане. Когда я вновь вернулась в Одессу, никого из членов кружка 1920 г.

⁹ Экипажи броненосца «Ростислав» и крейсера «Алмаз» поддержали январское восстание 1918 г. в Одессе, целью которого было установление советской власти.

я уже не застала. Расскажу о каждом из них то, что сохранила моя память. Сведения эти не претендуют на полноту. Это мои личные впечатления от встреч или рассказы других о писателях и поэтах, ставших впоследствии известными всей стране, а некоторые и за границей.

Исаак Бабель

Он был сыном одесского мелкого купца. В одном из номеров «Моряка» был напечатан его первый рассказ «Король». Тема рассказа была взята из жизни одесских бандитов. Прежде чем писать, он захотел ближе познакомиться с жизнью Молдаванки, считая, что каждый писатель обязан до мельчайших подробностей изучить то, о чем он собирается писать. На Молдаванке сам снял комнату у старого еврея, но вскорости ему пришлось оттуда бежать, опасаясь за свою жизнь. После появления «Короля» о Бабеле заговорили. Стиль его был нов и необычен, и сотрудники «Моряка» приветствовали его как рождение нового таланта. Бабель имел зоркий писательский глаз, замечал все недостатки людей и любил ставить их в тупик. Любимыми его писателями были Киплинг и Мопассан. Любил он их за скупость в словах и яркость образов. Сам Бабель был жаден к жизни. Он хотел видеть все и все знать. Его можно было встретить повсюду – в порту среди портовых рабочих, на базарах, беседующим с торговцами, на берегу моря среди купающихся. Его можно было видеть в Аркадии и на Малом Фонтане карабкающимся по скалам и шагающим версты к Люстдорфу. По городу он никогда не ходил один. С ним всегда были «литературные мальчики», ловившие каждое сказанное им слово и разносившие его по Одессе. Они же исполняли все мелкие его поручения и даже напрашивались на них. А позже с гордостью говорили о дружбе с самим Бабелем. Боготворила его не только одесская молодежь, старые одесские литераторы относились к нему с большим уважением. Но особенно ярки были его устные рассказы. Он умел передавать события, разговоры с людьми так, что слушателям казалось, что это не Бабель, а они сами беседуют с людьми. Зато когда он садился работать, не любил, чтобы ему мешали. Он должен был быть один. Работал он не жалея себя, считая, что ради творчества писатель должен претерпеть все: и голод, и холод, и одиночество, и все неприятности жизни. Работая над рассказом, он писал несколько его вариантов, сжимая каждый следующий все уже и уже в словесном изложении. Из фраз он изгонял, по возможности, все причастия и деепричастия, оставляя только не поддающиеся изгнанию. Он едва мирился с прилагательным перед существительным, но и то

с одним. Только когда уже ничего нельзя было прибавить к фразам, но и вычеркнуть из них, считал рассказ готовым к печати. Но и это не было еще концом его работы, и он не сразу отдавал ее в печать. Несколько дней рукопись отлеживалась, потом он вновь проверял в ней слово за словом, и если в ней, по его выражению, не осталось ни одного «мусорного» слова, рукопись шла в набор. Фразы в рассказе должны были быть короткими, выражать только одну мысль или образ. В то же время он приветствовал абзацы, дающие возможность менять ритм. Вся эта каторжная работа ни в коем случае не должна убивать текста, за чем нужно было очень зорко следить. Так работал Бабель над своими рассказами, осуждая Куприна за спешку и небрежность. Может быть, поэтому им так мало написано.

Эдуард Багрицкий

Биографии Багрицкого не знает никто. Каждый раз о себе он рассказывал разные версии, запутывая в них других и себя. С ним я встречалась в кружке одесских поэтов в 1920 году. Высокий, худой, в старой, потрепанной военной шинели с оторванным хлястиком и обшлагом рукава, он был красочной фигурой. Рассказывая в своей автобиографической повести о Багрицком, К. Паустовский пишет, что уже в те годы он задыхался от астмы. Паустовский ошибается. Наш кружок собирался каждую неделю, и я имела достаточно времени наблюдать поэтов. Багрицкий ходил быстро и никогда в те годы не задыхался, астма пришла к нему позже. Если при чтении им стихов слова из его горла вылетали с легким свистом, это происходило не от астмы, а из-за отсутствия у него одного или двух передних зубов. Читал он замечательно, может быть потому, что поэзия всю жизнь оставалась его родной стихией, неотделимой от его жизни. Он не делал различий в авторах, лишь бы стихи были настоящими. Пожалуй, охотнее он читал чужие стихи, чем свои, и уговорить его прочесть свои было нелегко. Он читал то, что в данный момент отвечало его настроению. Ничего, кроме стихов и птиц, которых он скупал у мальчишек, он не любил. Все стены его комнаты были увешаны клетками с птицами, за которыми он любовно ухаживал. Его увлекала романтика стихов. Любил он стихи Бальмонта и Сологуба, но любил и поэзию первых лет большевизма. Любил Блока, особенно его «Стихи о России» и «Скифы», но любил и его «Двенадцать». Он любил настоящую поэзию, в какую бы форму она ни выливалась. Стихи он мог декламировать целыми днями, независимо от обстановки. Он читал их любителям поэзии и портовым рабочим, он бросал их морским

волнам, но всегда они звучали из глубины его души. Стихи его сразу были замечены, а после «Думы про Опанаса» он уже прочно вошел в русскую литературу. К житейским нуждам он относился совершенно равнодушно, мирился со всякими условиями жизни. Он мог ночевать где попало, питаться тем, что ему, не умевшему брать жизнь «мертвой хваткой», случайно перепало. Он мог истратить весь свой гонорар на семена для птиц, забывая о себе. Несмотря на такой образ жизни, он любил шутку, был остроумен и находчив, а временами и саркастичен. В Москву вслед за другими одесскими поэтами он приехал одним из последних, но с первых же дней там затосковал по Одессе, с которой был связан рождением, тосковал по ее морскому простору, по живительному воздуху, просоленному ветерком, по порту, где часто сидел со спущенными в воду ногами и, глядя в даль, декламировал стихи, уносившиеся волнами дальше. Грустил он по своеобразному говору одесситов, по крепким словечкам портовых рабочих, по всему облику истерзанного, но все еще прекрасного города. Свое пребывание в Москве он считал постоем и при первом удобном случае хоть на короткое время мчался в родной город вдохнуть его живительный воздух. В Москве, как и в Одессе, он ютился в полутемной комнатухе сырого подвала с продавленным диваном вместо кровати, но до конца жизни не замечал ни бедности, ни неустроенности, ни своего существования. Он жил вне реальности. Счета деньгам он тоже не знал, а получал он в Москве за свои стихи немало. Сразу по приезде он завоевал Москву, и его гонорары все повышались. Задышающимся от астмы голосом, сидя по-турецки на своем продавленном диване, он читал прекрасные стихи, несмотря на мучившую его болезнь, жизнь казалась ему тоже прекрасной. «Окололитературные мальчишки» вертелись возле него, разносили по редакциям его стихи и приносили ему за них гонорар. Сам он этого никогда не делал. Он пугался московских улиц, на которых задыхался от астмы, предпочитая весь день сидеть на диване и записывать на обрывках бумаги или на спичечных коробках возникающие в уме рифмы, из которых позже выливались стихи. Эти листки и коробки он часто терял, но ни капельки не огорчался этим.

В числе «окололитературных мальчиков» был и Сема, пришедший в наш кружок 1920 года четырнадцатилетним мальчиком. Напористо, не робея, он вышел вперед и прочел свое сверхфутуристическое стихотворение. Когда он кончил, Багрицкий с присущей ему иронией просил его перевести прочитанное. Кирсанов только пожал плечами: не доросли мол!

В 1934 г. Эдуард Багрицкий умер. Его гроб провожали некоторые московские писатели и поэты, среди которых были К. Паус-

товский, С. Маршак. Они шли рядом. Маршак, сам уже больной, дорогой читал:

Копытом и камнем испытаны годы,
Бессмертной полынью пропитаны воды,
И горечь полыни на наших губах¹⁰.

Семен Кирсанов и Вера Инбер

Из «окололитературных мальчиков» пошел в гору при советской власти Семен Кирсанов. Разнося по редакциям стихи Багрицкого, он стал там своим человеком. Благодаря напористости своей натуры и согласованности своих стихов с линией, проводившейся советской властью, он вошел в московскую литературную среду. Выпустил несколько сборников и скоро попал на страницы «Правды» – мечта всех большевистствующих поэтов, писателей. Стихи его стали читать с эстрады. Как образец его поэтического творчества приведу отрывок из его стихотворения «Этот мир»:

Счастье быть
Частью матери,
Жить, где нить
Нижут бактерии,
Жить, где жизнь
Выжить надеется,
Жить, где слизь
Ядрами делится...

Второй одесской поэтессой, мечтавшей попасть на страницы «Правды», была Вера Инбер. До революции она писала милые стихи, многие из которых были посвящены детям. После нее стиль ее прозы и поэзии изменился. Она была в Ленинграде во время его осады немцами. Отсюда посылала корреспонденции в редакции разных газет, но это была не «Правда». Как-то за ней прислали самолет и увезли в Москву. Тут ее мечта исполнилась: ее очерки о пережитом в Ленинграде были опубликованы в «Правде».

Упоминаю я об обоих, потому что они были одесситами.

¹⁰ Цитата из стихотворения Э. Багрицкого «От черного хлеба и верной жены...».

Георгий Шенгели и Долинов

И одного, и другого в первые годы большевистской власти считали развинченными эстетамы не только за стиль стихов, но и за стиль одежды. Оба пытались еще сохранить аккуратность в одежде и воспитанность, доходящую до джентльменства. Шенгели не был коренным одесситом, его родным городом была Керчь, но, попав в Одессу, он полюбил ее. С Одессой же были связаны его первые литературные шаги. Он не был членом нашего кружка, собиравшегося на ул. Петра Великого, а вошел в кружок, собиравшийся на Пушкинской улице. С ним мне не пришлось встречаться, поэтому о нем передам кое-что из книги К. Паустовского. Вот что пишет последний: «Поэт Георгий Аркадьевич Шенгели был добрый человек, но с несколько экзотической внешностью. Я никак не мог понять ту легкую неприязнь, с какой относились к нему некоторые одесские поэты. На мои расспросы Багрицкий отвечал невразумительно... Шенгели ходил в Одессе в тропическом пробковом шлеме и босиком. При этих внешних качествах Шенгели обладал эрудицией, писал изысканные стихи, переводил французских поэтов и был человеком, расположенным к людям и воспитанным. Эти свойства Шенгели делали его чужаком для многих одесских поэтов – юношей нарочито развязных, гордившихся тем, что они не заражены никакими “штучками”, в особенности такими смертными грехами, как чрезмерная интеллигентность и терпимость».

Сам о себе Шенгели сказал:

Несу в себе дыхание приливов
И кровь моя, как некогда, нагрета
Одною с южным морем теплотой.

Долинов (имя которого я забыла) был вторым «размагниченным интеллигентом». Он вошел в кружок с самого начала его основания. Красивый, хорошо для того времени одетый, с прекрасными манерами, отличавшими его от остальных его членов, особенно случайных. Позже вместе с другими перекочевал в «Вечера под зеленой лампой», после чего след его в литературе потерялся. Мне не пришлось встречать его имени ни среди московских, ни ленинградских поэтов большевистской эпохи. Отказывались ли печатать его эстетические, никому теперь не нужные стихи в журналах и газетах, погиб ли он в концлагере, как Бабель, Мандельштам и многие другие – неизвестно. Из всего, что он читал в кружке на ул. Петра Великого, мне запомнились только две строфы из его поэзии:

Мне хочется вскочить
И страстно, иступлённо
Обуглить поцелуем пятна ваших губ.

Юрий Олеша

Маленький, коренастый, не очень разговорчивый, больше прислушивавшийся к тому, что говорили окружающие, он имел зоркий писательский глаз. Он замечал человеческие недостатки до самых мелких. Он был членом кружка на ул. Петра Великого, а позже «Вечеров под зеленой лампой». Его, как и других, манила Москва и выходившие там журналы. В те годы столица не была еще так перенаселена, как позже. Пустующих квартир, покинутых бежавшими от большевиков сначала на юг, потом за границу, было достаточно. Паспортная система еще не была введена, и переезды не были связаны с такими трудностями, а позже с невозможностью перемены мест жительства. Правда, «переселение народов» шло на полный ход в поисках «хлебных мест», а Москва как столица и местопребывание правительства обеспечивалась продуктами в первую очередь. Наплыв людей из других мест все возрастал, люди теснились все больше, превращая отдельные квартиры в коммунальные. Незанятыми оставались еще подвальные помещения, мансарды и углы в полуразрушенных зданиях. Они-то и захватывались теперь не успевшими вовремя обеспечить себя «жилплощадью». Свыкшиеся уже с неустроенностью жизни, не претендовавшие на многое, одесские поэты рады были иметь чулан, каморку, чердачное помещение или угол в полусыром подвале. С питанием каждый устраивался по мере своих способностей вынюхивать и добывать его разными способами. Не все из перебивавших Одессу на Москву удержались в ней. Многим пришлось поколесить по разным городам Советского Союза! Скитался и Юрий Олеша. Одно время он был корреспондентом ялтинской курортной газеты. Вновь возвращался в Москву и вновь выезжал. Несколько раз он был в своем родном городе. Здесь во время последней войны нашел его К. Паустовский в одном из номеров пустующей теперь Лондонской гостиницы. В Москве Олеша выпустил несколько книг, а незадолго до войны на экран кино попал его сценарий о немецких фашистах и евреях. Эта картина обошла весь Советский Союз¹¹. Мне пришлось ее видеть в Одессе, но название я забыла.

¹¹ Имеется в виду художественный фильм «Болотные солдаты», снятый в 1938 г. по сценарию Ю.К. Олеси в соавторстве с А.В. Мачеретом.

Трудна работа советских писателей и поэтов в условиях жесточайшей цензуры, которая многих заставила замолчать или писать в ящик письменного стола. Трудна работа их в условиях подчинения политическим заданиям партии. От революции ждали многого. От революции ждали «светлой» жизни для всех. Мирились с ее разрухой в первые годы, чтобы насладиться ее плодами впоследствии. Деревья не давали плодов, многие передовые люди разочаровывались, а другие не выдерживали. Не выдержал такой «трибун революции», как Маяковский, не выдержал Сергей Есенин, позже не выдержала Цветаева. Не выдержали и «наступили на горло собственной песне», по выражению Маяковского, и другие.

Поскитавшись в своей неустроенной жизни, умер Юрий Олеша. «Он лежал в гробу в своем стареньком пиджаке, который я видел на нем много лет», – пишет о его смерти К. Паустовский.

Я не помню, чтобы Юрий Олеша в нашем кружке читал что-либо. Он охотнее слушал других. Возможно, накапливал материал для своих будущих рассказов. Может быть, поэтому я мало о нем знала.

Зинаида Шишова

С ней я встречалась и позже, уже в советское время, и могу написать полнее. Она окончила одесские Высшие женские курсы по историко-филологическому факультету. Первая моя встреча с ней была в кружке на ул. Петра Великого. Ясно вижу ее на диване с подушкой, вышитой шелками, на коленях, мурлыкающей, как избалованная кошечка, свои детские стихи. Она читала тихим голосом, нараспев, кокетливо склонив голову. Кроме детских стихов, писала лирические, зачастую кому-нибудь посвященные. Уехав из Одессы, я потеряла ее из вида. Вторично мы встретились, не помню уже при каких обстоятельствах, в конце тридцатых годов. Продолжая писать стихи, она перешла теперь на большие полотна на исторические темы. Жила с сыном в пригороде у родных ее погибшего мужа, а наезжая в город, останавливалась у меня. В то время я жила в коммунальной квартире, в одной комнате. Кроме узкой простой кровати с твердым, набитым морской травой тюфяком, у меня была самодельная тахта, покрытая большим плюшевым ковром, сохранившимся от старых времен. Кровать от остальной комнаты отделяла большая четырехстворчатая ширма, сделанная руками моего мужа. На створки я натянула черный сатин, на который нашила большие красные маки – модной тогда «аппликацией». Такую «аппликацию» красных маков нашила на парусиновые портьеры на дверях. Зика, как звали Шишову в кружке, любила оста-

навливаться у меня, может быть потому, что при ее безалаберной жизни находила у меня уют и порядок. Иногда она жила у меня два, а то и три дня. Наши беседы зачастую длились всю ночь. Наутро я невыспавшейся шла на работу, но ни капельки об этом не жалела. Говорили мы о литературе, о новых произведениях писателей и поэтов. Она читала мне свои стихи или отрывки из повести из времен английской революции, которую в то время писала.

У каждого есть свои маленькие недостатки или достоинства. Я не знаю, к какой категории отнести ее пристрастие к духам, скорей всего, это привычка, оставшаяся от старых времен. Перед сном она обязательно обрызгивала духами свой носовой платок, который в постели держала у лица. Я сама была пристрастна к хорошим духам.

Зика поддерживала переписку и с Валентином Катаевым, и с Юрием Олешей, находившимися тогда в Москве. С Олешей она встречалась во время его наездов в Одессу.

Валентин Катаев, стоявший уже твердо на ногах в литературном мире Москвы, особенно после успеха его книги «Белеет парус одинокий», устроил рукопись Шишовой в популярном журнале «Вокруг света»¹². Он выхлопотал для нее аванс в тысячу рублей – большие в то время деньги, но для заключения договора она должна была поехать в Москву. Пришлось ей простаивать целыми днями в очередях, чтобы приобрести кое-что из одежды и не появиться в Москве в старой, потрепанной одежде.

Сын ее был предоставлен самому себе и «самовоспитывался» в среде деревенских мальчишек, с которыми проводил целые дни, являясь домой, только чтобы перекусить или на ночь. Родители ее мужа тоже мало внимания обращали на воспитание внука. Хозяйством Зика не занималась. Она всецело была погружена в свою литературную работу и свои личные дела. Питалась она кое-как и чем попало у родных мужа.

Как-то в один из приездов в Одессу показала мне тоненькую книжку ее стихов, выпущенных в Америке, чем она чрезвычайно гордилась.

В Москве ее новое платье и пальто оказались для той жизни, которую вел Валентин Катаев, чересчур бедными. Выручала ее жена Катаева, предоставившая в ее распоряжение свой гардероб. С Катаевым она посещала первоклассные рестораны.

Договор с журналом «Вокруг света» был подписан, но Зика не спешила возвращаться в Одессу. Московская жизнь с ее развле-

¹² Имеется в виду роман З. Шишовой «Море тьмы», публиковавшийся в 1939 г. журналом «Вокруг света».

чениями и новыми знакомствами увлекла ее. Вернувшись в свою бедную обстановку, она не переставала говорить о Москве, мечтая переехать туда на постоянное жительство. Но судьба решила иначе. Ее одесская близкая приятельница, художница Римская-Корсакова¹³, уехала в Ленинград и звала туда Зику. И Зика не выдержала и уже перед самой войной переехала в Ленинград. Вскоро началась война и моя связь с Шишовой оборвалась. Не знаю, осталась ли она в Ленинграде во время осады его немцами или ей удалось оттуда выехать¹⁴.

Валентина Катаева я чересчур мало знала в двадцатом году. Он нерегулярно посещал собрания кружка двадцатого года. Видела я его там всего раза два. Подтянутый, деловитый, не улыбающийся, он руководил выступлениями кружковцев. Его вещей в его исполнении я не слыхала.

Чичерин¹⁵

Еще один одесский писатель, а может быть и поэт – не знаю, к какой категории литературы отнести его экстраординарные и экстрафутуристические произведения. Ввиду того, что в то время он был в Одессе колоритной фигурой и одесская молодежь принимала все возникающие новые течения с энтузиазмом, я скажу о нем несколько слов. Между прочим, свою фамилию на единственной вышедшей в то время его книжонке он написал так: Чичерин.

К. Паустовский в своей автобиографической повести упоминает о его выступлении на вечере поэтов, устроенном на Пушкинской улице, в таких словах: «Там среди неистового шума, смеха и легкого свиста поэт Чичерин кричал грубым басом свои стихи». Мне пришлось быть на другом его выступлении в одной из аудиторий Новороссийского университета. Места шли амфитеатром и все были заняты. Сам Чичерин стоял на высоко поставленной кафедре. Мне, сидящей внизу, приходилось задираť голову, чтобы его видеть. Слов, лившихся то тихим, журчащим ручьем, то гремевших раскатами грома, нельзя было понять. Они звучали как иностран-

¹³ Очевидно, имеется в виду Ю.Л. Римская-Корсакова (1880–1942) – композитор, переводчик, музыкальный критик; погибла в блокаду Ленинграда.

¹⁴ В сентябре 1941 г., когда началась блокада Ленинграда, З.К. Шишова была эвакуирована в Москву.

¹⁵ Чичерин Алексей Николаевич (1894–1960) – поэт-футурист, затем конструктивист, в 1920-е гг. устраивал собственные поэтические вечера в южных городах России.

ные. Временами казалось, что звенят колокола, переходящие в шуршание перелистываемых страниц книг. Голосом владел он великолепно. Во время чтения сначала незамеченные публикой откуда-то из боковой двери выплыли две девушки в полупрозрачных, как легкая дымка облаков, одеяниях и по ходу декламации делали пластические движения, взмахивали руками, с которых струились, как лунный свет, дымчато-голубые прозрачные шарфы. Когда выступление было закончено, часть публики ушла в недоумении, другая в восхищении от нового вида искусства. Я приобрела книжку Чичерина, но в ней тоже ничего не поняла. Хранила я ее как документ эпохи, как уникум, до самой войны. Сейчас жалею, что ее нет со мной и я не могу привести из нее отрывки, чтобы показать, какую эквилибристику проделывала литература в двадцатом взвешенном году и до каких курьезов доходили литературствующие из желания поразить и выдвинуться.

Жалею я и о том, что в немецком рабочем лагере, где я находилась, пропал вышедший в 1920 г. в Одессе журнал с первыми произведениями Валентина Катаева, Юрия Олеши, Эдуарда Багрицкого, Зинаиды Шишовой и моим первым рассказом, попавшим в печать. Этот журнал я хранила, как первую любовь. Я забыла его название, осталась в памяти обложка, зеленовато-голубая, как воды Черного моря в тихую погоду.

В эти годы начала выходить юмористическая газета «Перо в спину»¹⁶, сотрудниками которой были кружковцы.

Это мои личные впечатления об одесских поэтах и писателях 1920 года, какими сохранила их память.

Литература

Киянская, Фельдман 2019 – *Киянская О.И., Фельдман Д.М.* Одесса времен Гражданской войны в мемуарах Натальи Логуновой // Россия и современный мир. 2019. № 4. С. 127–144.

Киянская, Фельдман 2019а – *Киянская О.И., Фельдман Д.М.* Одесская периодика времен румынской оккупации (по материалам архива Н.А. Логуновой) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 9. С. 12–23.

Киянская, Фельдман 2020 – *Киянская О.И., Фельдман Д.М.* Одесса в публицистике Натальи Логуновой // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 6. С. 113–123.

¹⁶ «Перо в спину» – одна из многих одесских сатирических и юмористических газет, издававшихся в конце 1910-х гг.

References

- Kiyanskaya, O.I. and Feldman, D.M. (2019), "Odessa during the Civil war in memoirs of Natalia Logunova", *Russia and the contemporary world*, no. 4, pp. 127–144.
- Kiyanskaya, O.I.; Feldman, D.M. (2019a), "Periodicals of Odessa, published during the Romanian occupation (by materials of N.A. Logunova's archive)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 9, pp. 12–23.
- Kiyanskaya, O.I. and Feldman, D.M. (2020), "Odessa in publicist works by Natalia Logunova", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 6, pp. 113–123.

Информация об авторах

Оксана И. Киянская, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Нахимовский пр., д. 51/21; kianoks@inbox.ru

Давид М. Фельдман, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; dmfeld@inbox.ru

Information about the authors

Oksana I. Kiyanskaya, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047;

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN); bld. 51/21, Nakhimovskii Avenue, Moscow, Russia, 117997; kianoks@inbox.ru

David M. Feldman, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; dmfeld@inbox.ru